

А. И. Савин, В. В. Журавлев

Частная амнистия. Как сибирские большевики амнистировали колчаковских министров

Во второй половине 1921 — начале 1923 г. большевистское руководство Сибири официально помиловало своих злейших врагов — видных деятелей Российского правительства адмирала А. В. Колчака, а также других контрреволюционных правительств, осужденных Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири на открытом судебном процессе в Омске 20–30 мая 1920 г.

Речь идет о девяти из восемнадцати колчаковских министров, в отношении которых были вынесены приговоры к различным срокам лишения свободы: министре народного просвещения П. И. Преображенском, государственном контролере Г. А. Краснове, товарищах министра внутренних дел А. А. Грацианове и Н. Я. Новомбергском, главноуправляющем почт и телеграфов на правах товарища министра внутренних дел Е. А. Цеслинском, товарище министра иностранных дел В. Г. Жуковском, товарище министра продовольствия и снабжения Н. В. Дмитриеве, товарище министра торговли и промышленности С. А. Введенском и товарище министра труда В. К. Василевском. Григорий Краснов, Александр Грацианов и Владимир Жуковский были приговорены 30 мая 1920 г. к пожизненному заключению, Евгений Цеслинский, Николай Дмитриев, Сергей Введенский и Вячеслав Василевский — к 10 годам лишения свободы, Николай Новомбергский и Павел Преображенский — к лишению свободы «до конца гражданской войны»¹.

Вряд ли кто-то из судей, подсудимых или зрителей грандиозного судебного процесса в Омске, на котором была предпринята «беспрецедентная попытка, в лице

Савин
Андрей Иванович
канд. ист. наук,
Институт истории
Сибирского отделения
РАН (Новосибирск,
Россия)

Журавлев
Вадим Викторович
канд. ист. наук,
Институт истории
Сибирского отделения
РАН (Новосибирск,
Россия)

нескольких крупных деятелей бывшего колчаковского правительства... судить всю российскую так называемую контрреволюцию и поддерживавших ее интервентов»², мог предположить, что уже спустя короткий срок половина из числа осужденных, избежавших расстрельного приговора, будет официально помилована³. Однако революционное время крайне динамично и до предела насыщено событиями. Близившееся окончание Гражданской войны, свидетельством чего была локализация вооруженного противостояния и его скатывание на периферию, поставило на повестку дня вопрос о широкой амнистии лиц из антибольшевистского лагеря.

Амнистия как политический инструмент советской власти, как средство, позволявшее коммунистическому руководству страны эффективно корректировать карательную политику, разыгрывать карту восстановления социальной справедливости и привлекать на свою сторону пострадавших, в историографии на монографическом уровне не изучалась. Тем не менее историки неоднократно отмечали «колебания» в политике высшего советского руководства, в том числе, как пишет О. В. Хлевнюк, «даже в политике государственного террора, представлявшей собой наиболее устойчивый элемент режима, наблюдались как всплески чрезвычайной жестокости, так и периоды демонстрации относительной “умеренности”»⁴.

Наиболее подробно в историографии исследовалась в ракурсе пересмотра норм и практик социального контроля «мартовская амнистия» 1953 г.⁵ Сравнительно интенсивно анализировался ее региональный аспект⁶. Следующей по степени изученности является широкая амнистия военнослужащих белых армий, в том числе в ходе их реэмиграции в Советскую Россию / СССР в 1921–1924 гг.⁷ Отдельно следует выделить специальную публикацию, посвященную амнистии так называемых карельских беженцев⁸. Что касается общих амнистий, регулярно объявлявшихся большевиками дважды в год, начиная с 1918 г., то здесь из публикации в публикацию традиционно кочует перечень и описание нормативной базы майской и ноябрьской амнистий в виде соответствующего декрета или постановления. Лишь изредка приводятся отдельные подробности проведения амнистий, в том числе статистические данные⁹. Особняком стоит публикация К. В. Годунова, исследовавшего генезис ноябрьской амнистии 1918 г. в контексте празднования годовщины прихода большевиков к власти¹⁰. В целом же феномен амнистии в политической жизни Советской России / СССР нуждается в дальнейшем изучении.

Настоящая статья призвана описать историю одной частной амнистии, в ходе которой свободу получили девять бывших видных деятелей Российского правительства. Для этого авторы попытаются реконструировать мотивы большевистского руководства Сибири, которые легли в основу амнистии, описать механизм регуманизации бывших врагов, а также вписать частную амнистию колчаковских министров в общий контекст политики заключения гражданского мира в России на завершающем этапе Гражданской войны.

В группу амнистированных колчаковских министров входили люди, имевшие разную известность и игравшие разные роли в политическом и профессиональном прошлом. Общими для них стали крутые перемены в судьбе

после Февраля 1917 г., быстрый карьерный взлет и особые полномочия, на смену которым пришла политическая и военная катастрофа, закончившаяся скамьей подсудимых. Наибольшей известностью среди них пользовались П. И. Преображенский, Г. А. Краснов, А. А. Грацианов и Н. Я. Новомбергский.

Преображенский был профессиональным геологом, работал на востоке страны, сотрудничал с В. А. Обручевым. Общественно-политической школой для него стало участие в 1914–1916 гг. в деятельности Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам, одного из центров либеральной оппозиции, в том числе роль представителя Союза городов в Особом совещании по обороне государства. Его карьере, подобно многим деятелям из когорты «земско-городских» активистов, способствовала Февральская революция. Преображенский был выдвинут на пост товарища министра народного просвещения Временного правительства, который занимал вплоть до Октябрьской революции. После колчаковского переворота он был назначен товарищем министра народного просвещения Российского правительства с примечательной мотивировкой: бывший замминистра Временного правительства рассматривался как «восстановленный в правах», что призвано было подчеркнуть правопреемственность правительств Керенского и Колчака. 2 мая 1919 г. Преображенский занял пост управляющего министерством, ставший вакантным после ухода из состава правительства авторитетного министра В. В. Сапожникова, и оставался в составе колчаковского правительства до самого конца его существования¹¹.

Еще одной фигурой первого ряда являлся Краснов. Профессионал в области бухгалтерского учета и финансового контроля, в годы мировой войны он активно участвовал в деятельности Императорского Всероссийского аэроклуба — структуры, призванной организовывать общественную поддержку развитию и боевому использованию авиационной техники. После Февраля его карьера так же пошла резко вверх, поднявшись на правительственный уровень, — он был назначен исполняющим обязанности члена Совета государственного контроля. После Октябрьской революции Краснов был включен большевиками в руководство советского государственного контроля, но одновременно входил в состав нелегального Временного правительства С. Н. Прокоповича. За контрреволюционную деятельность ему грозил приговор Петроградского военно-революционного комитета, но Краснов сумел своевременно скрыться. В июне 1918 г. вновь был взят на советскую службу и работал инспектором наркомата госконтроля РСФСР. На момент чехословацкого мятежа находился в командировке в Уфе и почти сразу же получил от Комуча полномочия для организации органов государственного контроля, а с 1 августа 1918 г. возглавил контрольное ведомство Комуча. Уже в октябре 1918 г. он оказался в Омске, в числе членов Совета министров Временного Всероссийского правительства. Здесь он быстро сблизился с «правым» крылом кабинета и сохранял свои позиции при всех дальнейших изменениях состава колчаковского правительства, в течение нескольких месяцев даже обладая полномочиями заместителя председателя Совмина П. В. Вологодского¹².

Грацианов являлся выходцем из рядов томской интеллигенции и принадлежал к ближнему кругу Г. Н. Потанина, был врачом по образованию и карьере, леволиберальным политическим деятелем эпохи революции 1905 г. Он входил в число министров Временного Сибирского правительства лета-осени 1918 г., занимая политически значимый пост товарища министра внутренних дел. Эту же должность он сохранил и при Директории, и после колчаковского переворота. Уйдя в отставку в июле 1919 г., Грацианов вскоре был избран городским головой Томска, став последним в этой должности¹³.

Н. Я. Новомбергский выделялся даже на фоне этих фигур. Человек с европейским юридическим и историческим образованием, в 1905 г. он преподавал в Парижской высшей школе общественных наук, в 1908 г. стал профессором Томского университета, где сблизился с областниками. Плодовитому автору и энциклопедисту, всероссийскую известность ему принес двухтомник «Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.)», посвященный истории политического сыска в допетровской Руси. После падения императорской власти он занялся политической деятельностью, был избран членом Временной Сибирской областной думы. В конце марта 1918 г. подвергся аресту со стороны советских властей Томска. Так же как и Грацианов, Новомбергский совершил благополучный транзит из состава Временного Сибирского правительства в кабинет Директории, а затем и в колчаковский Совмин. Однако уже в феврале 1919 г. он ушел в отставку и сосредоточился на научно-организационной и преподавательской деятельности. В сентябре 1919 г. Новомбергский защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора административного права, был одним из организаторов Омского сельскохозяйственного института¹⁴.

Что касается Василевского, Введенского, Дмитриева, Жуковского и Цеслинского, то их объединяет одна общая черта — все они, каждый в своей профессиональной сфере, поднялись до значимых карьерных позиций, но оставались деятелями второго-третьего ряда и в большинстве регионального масштаба. Тем не менее все они были хорошо образованы, имели значительный опыт практической работы и не случайно выдвинулись на руководящие посты в антибольшевистских правительствах.

Важным шагом на пути к амнистии колчаковских деятелей были, как это ни звучит парадоксально, принудительные работы, к которым их приговорили на майском процессе в Омске в качестве «довеска» к срокам. При этом принудительный труд обернулся для них не тяжелым физическим трудом в местах заключения, а привычными интеллектуальными занятиями в ведущих хозяйственных отделах Сибревкома, так называемых Сибях. Например, Преображенский уже с 23 июля 1920 г. работал заместителем заведующего отдела народного образования Сибревкома и являлся председателем Сибирского комитета профессионально-технического образования¹⁵, Дмитриев трудился в Сибпродкоме в качестве заключенного с 23 декабря 1920 г.¹⁶ Тем самым фактически было предано забвению решение Сиббюро ЦК РКП(б) от 2 июня 1920 г., согласно которому осужденные министры Колчака даже в случае помилования «ни в коем случае не могут быть в ближайшее время использованы как специалисты

на ответственной работе»¹⁷. Большевистское руководство Сибири поступило крайне прагматично, используя по специальности этих профессоров, докторов, агрономов, инженеров и экономистов, и не имело впоследствии поводов раскаиваться в своем решении.

Превращение злейших классовых врагов трудящихся в представителей советского истеблишмента было секретом Полишинеля: большевистская власть испытывала острейший кадровый голод, который восполнялся широким привлечением на службу специалистов из числа «бывших». В Сибири кадровая ситуация традиционно была намного хуже, чем в европейской части России, квалифицированные специалисты были на вес золота. Секретарь Омского губкома РКП(б) Потемкин, изгнанный из партии в июле 1922 г. за внутривнутрипартийную склоку и вынужденный униженно выпрашивать для себя рабочее место в системе кооперации, так описывал положение в хозяйственных органах Сибири: «В кооперации же и в некоторых других областях работают “закоренелые эсеры” и даже колчаковцы, противники советской власти»¹⁸. Как и офицеры императорской армии на службе в РККА, гражданские специалисты из числа «бывших» стали важнейшим кадровым ресурсом большевиков¹⁹. В августе 1923 г. в записке в Политбюро ЦК РКП(б), посвященной вопросу о «буржуазных» специалистах, председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский констатировал: «Между тем мы очень бедны спецами. Из своего опыта на транспорте должен сказать, что спецы, оставшиеся у нас, самые худшие, без инициативы, без характера. Тянут ляжку, чтобы жить. Самые лучшие, подвижные и инициативные у нас спецы — это полученные нами и почему-либо не расстрелянные — от Колчака, Деникина и Врангеля»²⁰.

Настоящим прибежищем для «не расстрелянных» колчаковских министров стал Экономический отдел Сибревкома, созданный 2 февраля 1921 г. под патронажем полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского. Возглавил отдел бывший меньшевик и управляющий ведомством труда Самарского Комуча И. М. Майский, который неумоимо пытался собрать под крышей отдела наиболее квалифицированных специалистов из числа «бывших». Так, приказом № 3 от 12 февраля 1921 г. Майский назначил своим заместителем П. Я. Дербера, в 1918 г. — председателя Временного правительства автономной Сибири и лидера антибольшевистского эсеровского подполья на востоке России. Этим же приказом экономистами статистико-экономического подотдела назначались профессор Томского университета Н. П. Огановский и профессор Иркутского университета П. П. Маслов²¹. Причем первый в 1918 г. был товарищем министра земледелия Временного Всероссийского правительства, а второй занимал пост приуральского окружного комиссара Временного Сибирского правительства, был делегатом Государственного совещания в Уфе. Сотрудниками Экономического отдела, начиная с 10 февраля 1921 г., стали четверо колчаковских министров: Краснов и Новомбергский — экономистами сельскохозяйственного подотдела, Жуковский — валютно-концессионного подотдела, бывший товарищ министра путей сообщения Г. М. Степаненко — транспортного подотдела²². 16 февраля 1921 г. должность экономиста подотдела добывающей и обрабатывающей промышленности занял Преобра-

женский, который одновременно продолжил служить в комитете Северного морского пути²³.

1 апреля 1921 г. количество бывших министров Колчака достигло в отделе шести человек — сотрудником-экономистом был зачислен Цеслинский. 5 мая 1921 г. Майский попытался добиться назначения в отдел очередного «колчаковского министра», осужденного 30 мая 1920 г. к лишению свободы «до окончания Гражданской войны», — бывшего губернатора Петроковской губернии и действительного статского советника М. Э. Ячевского. Однако ссылка на необходимость привлечения Ячевского «для выполнения весьма важных и ответственных заданий по составлению единого хозплана» не сработала — распределительная комиссия при Омском губернском карательном отделе ответила отказом, «признав полезным удержать заключенного Ячевского на работах О[мского] д[ома] л[ишения] с[вободы]»²⁴. Зато Майскому удалось сделать важный шаг в послаблении режима заключения Краснова, Новомбергского, Степаненко, Жуковского и Цеслинского. 9 мая 1921 г. Павлуновский решил продлевать время их занятий в отделе до 22–23 часов, и только после этого они были обязаны возвращаться на ночь в тюрьму. Спустя еще три дня Павлуновский дал указание отправить Краснова, Новомбергского, Степаненко и Жуковского «в Экономический отдел в распоряжение тов. Майского»²⁵. Это по сути означало освобождение с передачей на поруки, что дало возможность Майскому разместить четверку на квартире, выделенной отделу²⁶. Цеслинский продолжал ночевать в Омском доме лишения свободы, но, когда 30 мая 1921 г. тюремное начальство потребовало от Цеслинского возвращаться с работы к 17:00, Майский тут же обжаловал это своевольное решение, сославшись на распоряжение Павлуновского²⁷. Впрочем, после переезда Сибревкома из Омска в Новониколаевск летом 1921 г. вопрос о тюремном режиме был для бывших колчаковских министров снят с повестки дня, что было еще одним шагом на пути к амнистии.

Первой ласточкой для осужденных стало решение, принятое Сиббюро ЦК РКП(б) 27 июля 1921 г. в отношении «профессора Павла Преображенского, бывшего колчаковского министра, осужденного на 10 лет каторги» (sic!). Поскольку Преображенский не был замечен в контрреволюционных действиях и проявил себя «как хороший работник-специалист», который «успел уже много сделать за последний год для Соввласти», Сиббюро ЦК приняло решение просить ВЦИК о его амнистии²⁸. Спустя еще месяц, 25 августа 1921 г., аналогичное решение Сиббюро, практически под копирку, последовало в отношении профессора С. А. Введенского, работавшего в правлении Сибирской железной дороги²⁹. 24 ноября 1921 г. последовало лаконичное решение Сиббюро, «предложить Сибревкому амнистировать проф. Василевского»³⁰. После принятия решения Сиббюро ЦК задача Сибревкома сводилась к оформлению постановления партийной инстанции «в советском порядке» и направлению ходатайства о помиловании во ВЦИК, что означало практически стопроцентную гарантию реабилитации³¹. Примечательно, что положение «Об амнистии», принятое Сибревкомом 30 октября 1920 г., категорически запрещало применять амнистию в отношении «членов организаций, поставивших себе целью свержение

Советской власти путем вооруженной борьбы, а также членов колчаковского правительства»³².

Пример Преображенского, Введенского и Василевского открыл дорогу для осужденных колчаковцев, работавших в Экономическом отделе Сибревкома, реорганизованном в августе 1921 г. в Сибирскую государственную плановую комиссию (Сибгосплан). В октябре — ноябре 1921 г. Сибгосплан принял ряд постановлений о возбуждении ходатайства перед Сибревкомом об амнистировании лиц «из состава бывшего колчаковского правительства, работающих на ответственных должностях». Так, 25 октября 1921 г. Сибгосплан подал первое в длинной череде ходатайство об амнистии заведующего Научно-информационного отдела профессора Н. Я. Новомбергского. Следует отметить, что настойчивое именование бывших колчаковских министров Преображенского, Введенского, Новомбергского и Василевского в протоколах Сиббюро и Сибревкома профессорами, во-первых, придавало вес решению об амнистии с точки зрения высокого профессионализма амнистируемой персоны, во-вторых, уменьшало вину бывшего контрреволюционера перед советской властью, поскольку речь шла уже не о классовом враге трудящихся, а об остывшемся интеллигенте.

14 февраля 1922 г. Сиббюро ЦК рассмотрело сразу два ходатайства: первое — об амнистии «бывшего колчаковского министра» Грацианова, второе — Цеслинского, сменившего Экономический отдел на службу в почтово-телеграфном отделе Сибревкома (Сибпочтель). Настойчивым просителем за Цеслинского выступал уполномоченный Наркомата почт и телеграфа РСФСР в Сибири и заведующий Сибпочтелем Сергей Гоголев. Этот большевик со стажем дореволюционной подпольной работы дважды подавал прошения о помиловании Цеслинского. 13 октября 1921 г. он возбудил сначала ходатайство перед отделом юстиции Сибревкома о применении к Цеслинскому ноябрьской амнистии 1921 г., но 8 декабря 1921 г. получил формальный отказ — ноябрьская амнистия 1921 г. к Цеслинскому была неприменима, требовалось решение Сибревкома о полной амнистии. 24 января 1922 г. Гоголев отправил в Сибревком новое прошение, где просил войти с ходатайством перед ВЦИК об амнистировании, «принимая во внимание выдающиеся полезно-служебные качества Цеслинского и желая использовать его в более широком масштабе, включительно до командировок по инструктированию потель-учреждений Сибири»³³. Гоголев не случайно так высоко ценил Цеслинского как профессионала: среди сотрудников Сибревкома широко ходила шутка о «гоголевской» почте, в которой Сибпочтель под руководством большевика С. М. Гоголева сравнивался с почтой времен писателя Н. В. Гоголя. Чтобы быть уверенным в своевременной доставке почты, рекомендовалось «найти бойкого парня с замашками старого чекиста, снабдить этого парня мандатом от Гоголева, мандатом от Сибпоса, бумажкой от Павлуновского (человека, которого очень боятся все железнодорожники), дать ему револьвер и спирт: первое — для устрашения, второе — для смазки»³⁴.

Что касается Грацианова, то с прошением об амнистии 27 октября 1921 г. выступил заведующий Сибздрава Павел Обросов, член РСДРП с 1902 г., будущий начальник лечебно-санитарного управления Кремля и директор Инсти-

туда скорой помощи им. Склифосовского. В заслугу заведующему санитарно-эпидемиологическим подотделом Сибздрави Грацианову он ставил успешную борьбу с эпидемией холеры, бушевавшей в 1921 г. на территории Сибири, где его «опыт и знания как лица, в течение многих лет занимавшегося изучением санитарной медицины, оказали безусловно существенную услугу Рабоче-Крестьянскому правительству»³⁵. Поскольку в будущем Грацианову еще предстояло вести «чрезвычайно большую и ответственную работу», в том числе по выработке плана борьбы с вероятным рецидивом эпидемии холеры в 1922 г., заведующий Сибздравом просил амнистировать Грацианова, «каковая милость Рабоче-Крестьянского правительства несомненно побудит д-ра Грацианова к более тщательному и усердному выполнению возложенных на него поручений в интересах РСФСР»³⁶.

В итоге Сиббюро ЦК приняло решение ходатайствовать через Сибревком «об амнистии Цеслинскому»³⁷. 17 февраля 1922 г. это решение было оформлено Сибревкомом в «советском порядке», 4 марта 1922 г. в Москву во ВЦИК была отправлена телеграмма заместителя председателя Сибревкома М. М. Лашевича, в которой тот просил об «амнистировании Цеслинского»³⁸. Вопрос о Грацианове был оставлен Сиббюро открытым³⁹. Впрочем, такая формулировка давала возможность высоким покровителям бывших колчаковцев раз за разом добиваться рассмотрения вопроса об их амнистии.

Спустя чуть более месяца, 21 марта 1922 г., Сиббюро ЦК был заслушан вопрос об амнистии «бывшего министра продовольствия при Колчаке Дмитриева, работающего неутомимо в Сибпродкоме». Ходатаем в деле амнистирования Дмитриева выступила «тяжелая артиллерия» в лице профессионального революционера, председателя Сибпродкома Моисея Калмановича. Достижения Калмановича в деле «выкачки» хлеба в Сибири позволили ему уже в 1923 г. занять пост народного комиссара продовольствия РСФСР. Немалая заслуга в этом была и самого Дмитриева. «Как выдающийся работник», 19 мая 1921 г. он был по ходатайству коллегии Сибпродкома освобожден из дома лишения свободы и назначен заведовать хлебофуражным отделом Сибпродкома. Начиная с 22 декабря 1921 г. Дмитриев возглавил один из ключевых отделов Сибпродкома — оперативный. Только тяготевший над ним приговор трибунала мешал Калмановичу поручать Дмитриеву особые работы, выходявшие за круг его прямых обязанностей. В своем ходатайстве об амнистии Калманович писал: «Сибпродком свидетельствует, что Дмитриев своей работой доказал не только свою лояльность, но и сознательное отношение ко всем распоряжениям Советской власти, при исполнении которых он давал ценные указания»⁴⁰. В заключение Калманович ссылался на хорошее отношение к Дмитриеву со стороны видных большевиков: профессиональный революционер, журналист и литератор Феоктист Березовский несколько лет служил у Дмитриева в качестве бухгалтера, Константин Попов, председатель следственной комиссии по делу Колчака и Пепеляева в 1920 г., занимавший в 1922 г. должность председателя Омского губисполкома, тесно сотрудничал с Дмитриевым в Омске после февраля 1917 г. Прошение Калмановича также поддерживали лично знавшие Дмитриева секретарь Новониколаевского губкома РКП(б) Давид Гольман

и председатель Сибирского отделения Центросоюза Емельянов⁴¹. В ответ партийная власть Сибири приняла решение «возбудить через Сибревком ходатайство перед ВЦИК об амнистии Дмитриеву»⁴². Решение Сибревкома об амнистии было принято 25 марта 1922 г., 27 марта 1922 г. председатель Сибревкома С. Е. Чуцкаев отправил телеграммой ходатайство во ВЦИК «об амнистии бывшего Минпрода при Колчаке Дмитриева»⁴³.

В середине мая 1922 г. на имя секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) И. И. Ходоровского было подано очередное прошение об амнистии колчаковских министров из числа сотрудников Сибгосплана. К этому времени из них на службе в этом отделе Сибревкома остались только Г. А. Краснов — в качестве управляющего делами Сибгосплана и В. Г. Жуковский — в качестве экономиста и заведующего библиотекой. В прошении говорилось: «Эти сотрудники продолжают с прежней добросовестностью и пользой для дела работать по различным вопросам, поручаемым Сибгосплану. Из них Краснов, кроме того, по личному Вашему распоряжению, привлечен к ответственной работе по Сибфинуправлению как специалист по сметно-финансовым вопросам⁴⁴ и в качестве финансового работника он выполнял уже серьезные поручения по Вашему мандату и о его работе Вы знаете лично. Знает о его работе и председатель [Новониколаевского] губисполкома В. М. Косарев, так как Краснов привлекался в качестве консультанта и к работам в местной губернской Плановой комиссии при Губ[ернском] э[кономическом] со[вещании]»⁴⁵. Что касается Жуковского, то в прошении Сибгосплана он характеризовался как «лояльный сотрудник», который «работает не за страх, а за совесть» и как специалист, знакомый с «экономической жизнью», крайне полезный «в условиях переживаемого момента»⁴⁶.

Пикантность ситуации заключалась в том, что о полном амнистировании Краснова и Жуковского просил не кто иной, как П. Я. Дербер, который сохранил за собой в Сибгосплане должность заместителя заведующего. На это прошение полномочный представитель ГПУ по Сибири И. П. Павлуновский, который в мае 1920 г. вместе с В. М. Косаревым судил «колчаковских министров», наложил ехидную резолюцию: «Неудобно, что вопрос об амнистии поднимает Дербер — фигура, подлежащая еще большому и большому ошелушению»⁴⁷. Как известно, для самого Дербера это «ошелушение» закончилось плохо. Когда в конце января 1923 г. встал вопрос об упразднении Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК, секретарь Сиббюро С. В. Косиор настаивал перед Москвой на продлении полномочий Сиботделения Верхтриба, не в последнюю очередь — для заслушивания «уже разобранного дела т. Дербера»⁴⁸. Приговор об осуждении «товарища» Дербера к пяти годам лишения свободы был вынесен 13 февраля 1923 г. уже Сибирским отделением Верховного суда РСФСР⁴⁹.

Тем не менее прошению Дербера был дан ход. Сначала 23 мая 1922 г. Сиббюро ЦК постановило «предложить Сибревкому возбудить ходатайство перед ВЦИК об амнистировании Краснова и Жуковского»⁵⁰, а уже 29 мая 1922 г. вопрос об их помиловании рассматривался Сибревкомом. Формальным ходатаем на этот раз выступал не бывший эсер Дербер, а благонадежный советский функционер — профессиональный революционер, уполномоченный наркомата финансов РСФСР по Сибири и заведующий финансовым отделом Сибревкома

Эдмунд Матч. Решение об амнистии Краснова и Жуковского было принято членами Сибревкома во главе с его председателем С. Е. Чуцкаевым с мотивировкой «как специалистов», которые «с полной добросовестностью и пользой для дела принимают активное участие в хозяйственном строительстве Советской Сибири»⁵¹. Решение ВЦИК также не заставило себя ждать. 6 августа 1922 г. газета «Советская Сибирь» оповестила читателей, что «Президиум ВЦИК в заседании 21 июля с. г. удовлетворил ходатайство Сибревкома о помиловании осужденных по делу б. колчаковских министров: Краснова, Жуковского и Цеслинского»⁵².

Возможно, Дербер быстро узнал о положительном решении Сиббюро от 23 мая 1922 г. в отношении Краснова и Жуковского. Успех мог подтолкнуть его вновь поднять вопрос о Новомбергском. Несмотря на то что к этому времени профессор Новомбергский был сотрудником Сибпромбюро ВСНХ и больше не являлся его подчиненным, Дербер подал 26 мая 1922 г. очередное ходатайство в Сибревком, заявив, что «Новомбергский вполне заслуживает применение к нему амнистии»⁵³. Настойчивость Дербера принесла свои плоды: вопрос об амнистии Новомбергского был включен в повестку заседания Сиббюро ЦК от 13 июня 1922 г. Скорее всего, свою роль в этом также сыграло прошение Российской академии наук, в котором ее непреременный секретарь академик Сергей Ольденбург ходатайствовал перед Сибревкомом об освобождении Новомбергского, избранного в феврале 1921 г. профессором Омского ветеринарно-зоологического института, от принудительных работ. В качестве главной мотивировки Ольденбург указывал на заинтересованность Академии наук в завершении Новомбергским капитального труда «Слово и дело Государевы в XVII–XVIII веках». Однако и на этот раз Сиббюро ЦК приняло решение «оставить вопрос открытым»⁵⁴.

Следующим кандидатом в очереди на амнистию оказался врид начальника Санитарного управления Сибздравица Грацианов. 17 октября 1922 г. заведующий Сибздравицей В. М. Донец подал очередное прошение о его помиловании в Сибревком, текст которого практически дословно повторял ходатайство годичной давности. 19 октября 1922 г. вопрос о Грацианове в паре с Новомбергским был оперативно поставлен на рассмотрение Сиббюро ЦК. Члены Сиббюро А. А. Ширямов, А. П. Брыков и И. П. Павлуновский посчитали наконец возможным «возбудить ходатайство перед Центром об амнистии Грацианова». Вопрос о Новомбергском снова оставили открытым, несмотря на то что за него теперь ходатайствовало руководство Сибревкома⁵⁵. 12 ноября 1922 г. решение Сибревкома об амнистии Грацианова от 3 ноября 1922 г. было опубликовано в «Советской Сибири». «Так советская власть оценивает услуги, которые оказывают ей прозревшие наконец спецы-интеллигенты, даже из числа находившихся ранее в рядах ее врагов», — резюмировала газета⁵⁶. Ходатайство Сибревкома во ВЦИК было отправлено 13 ноября 1922 г., официальное решение об амнистии Грацианова ВЦИК принял 12 января 1923 г.⁵⁷

По иронии судьбы, последним из колчаковских министров был амнистирован тот, в отношении которого в мае 1920 г. был вынесен самый мягкий приговор. 11 января 1923 г. вопрос об амнистировании члена коллегии Сибгосплана

и руководителя секции общей экономики Новомбергского доложил на заседании на Сиббюро ЦК главный хозяйственник Сибири А. П. Брыков. С третьей попытки положительное решение наконец-то было принято: «возбудить ходатайство перед ВЦИК»⁵⁸. 17 января 1923 г. соответствующее решение было принято Сибревкомом⁵⁹. 24 октября 1923 г. «Советская Сибирь» опубликовала информацию о назначении Новомбергского заместителем заведующего производственно-экономического управления Сибпромбюро ВСНХ.

Архивные документы и публикации в прессе свидетельствуют о том, как быстро бывшие колчаковские министры примерили на себя роли ответственных советских функционеров. Заведующий отделом Сибпродкома Дмитриев в марте 1922 г. читал лекции в Новониколаевской партшколе о технике хлебозаготовок, а также написал на эту тему брошюру, изданную тиражом 1500 экз. Краснов весной 1922 г. по поручению Сибревкома провел ревизию Сибдальвнешторга. В августе 1922 г. из номера в номер «Советской Сибири» за подписью «уполномоченного наркомфина Г. Краснова» публиковались объявления об обмене денежных знаков. В повестке заседания Сибирского экономического совещания от 18 сентября 1922 г. доклад бывших колчаковцев Краснова и Васильева «О местном бюджете» стоял первым, в то время как председатель Сибпродкома и в скором будущем председатель Сибирского крайисполкома Р. И. Эйхе с докладом «О продналоговой кампании» довольствовался вторым номером. В ноябре 1922 г. под редакцией Краснова вышла в свет книга «Руководство для волфинагента», которую он в 1923 г. переработал в «Справочник для финансового агента», «настольную книгу» и «незаменимое пособие финагента». В праздничном номере «Советской Сибири» от 7 ноября 1922 г. было опубликовано пространное интервью Краснова «О финансовой политике», а его собственные статьи выходили из номера в номер. В декабре 1922 г. фамилия Краснова появилась под рубрикой «В газете принимают постоянное участие» вместе с именами Вивиана Итина, Лидии Сейфуллиной, Михаила Лашевича, Емельяна Ярославского и др.

Соперничать с Красновым по популярности из бывших колчаковских министров мог, наверное, только Новомбергский. В 1922 г. «Советская Сибирь» цитировала его как специалиста по эпидемиям. Вместе с членами Сиббюро и Сибревкома А. А. Ширямовым и А. П. Брыковым он публично дискутировал по вопросу о привлечении в Сибирь торгового капитала, опубликовал «Арендный сборник», посвященный аренде промышленных предприятий в условиях нэпа, выступал с докладами на Первом сибирском контрактном съезде-ярмарке и Сибирском областном промышленном совещании. Доверие большевиков к Новомбергскому распространялось не только на область хозяйственных вопросов. Например, летом 1922 г. он по поручению Сиббюро ЦК экспертировал предложение группы сменовеховцев из Харбина во главе с Н. В. Устряловым, Н. С. Зефирковым и Г. Н. Диким, предлагавшими Сибдальвнешторгу сотрудничество в деле распространения в Сибири харбинского сменовеховского альманаха «Русская жизнь». Отзыв Новомбергского по поводу журнала был положительным, а вот по поводу возможного сотрудничества с бывшим министром продовольствия колчаковского правительства Зефирковым он высказался

крайне негативно, не преминув упомянуть о своей публичной критике в 1919 г. в адрес «уголовного характера государственной деятельности министра Зефирова»⁶⁰.

Ничто так образно и ярко не характеризует успех, достигнутый колчаковскими министрами на пути превращения в советских служащих, как история со сбором средств на постройку аэроплана «Калиныч». После того как 16 августа 1923 г. Сиббюро ЦК разрешило собирать деньги на самолет, «введя персональный вызов в газетах», в «Советской Сибири» появилось объявление о том, что член-учредитель Сиблэта (и, напомним, бывший сотрудник Императорского аэроклуба) Краснов внес пять рублей золотом на аэроплан имени М. И. Калинина и поименно вызвал поддержать его пожертвование: Дмитриева (Сибпродком), Введенского (правление Сибирской железной дороги) и Новомбергского (Сибпромбюро ВСНХ), т. е. своих бывших коллег по колчаковскому правительству⁶¹. Как минимум один из них отозвался, о чем газета также сообщила 6 сентября 1923 г.: Введенский по вызову Краснова внес аналогичную сумму.

История быстрого помилования и успешного приспособления бывших политических противников к советской системе была бы неполной без вопроса, почему амнистия не была применена к остальным семи колчаковским министрам, получившим реальные сроки в мае 1920 г. По-видимому, здесь свою роль сыграли разные факторы, от личных связей, в том числе в советской среде, до квалификации подсудимых. Важным фактором, несомненно, наряду с прагматическими мотивами, была позиция органов ВЧК-ГПУ. Так, бывший товарищ министра юстиции Российского правительства М. А. Малиновский работал после осуждения в Сибпродкоме и Сибюсте, у него были все шансы оказаться в числе амнистированных. Однако в феврале 1921 г. он был арестован по обвинению в участии в военной организации Омского комитета «Сибирского крестьянского союза» и расстрелян 6 мая 1921 г. по приговору коллегии Омской губчека⁶². По некоторым данным, в 1921 г. также умерли бывший товарищ министра снабжения и продовольствия И. А. Молодых и бывший товарищ министра финансов И. Н. Хроновский⁶³.

Биографам бывшего управляющего министерства юстиции Российского правительства А. П. Морозова удалось установить, что после вынесения приговора к пожизненному заключению он содержался в Омской тюрьме вместе с товарищем министра внутренних дел М. Э. Ячевским, откуда их выводили на работы. В 1922 г. Морозов заведовал тюремной аптекой и был освобожден либо в 1923, либо в 1925 г.⁶⁴ Нет ясности в том, что помешало амнистии бывшего товарища министра путей сообщения Г. М. Степаненко, который вместе с женой Людмилой Георгиевной работал как минимум до декабря 1921 г. в Сибгосплане, занимая ответственную должность заведующего транспортным подотделом. Нам также неизвестно, как сложилась непосредственно после омского процесса судьба бывшего товарища министра народного просвещения Н. О. Палечека.

Суд над министрами Колчака. Май 1920 г. Главные железнодорожные мастерские, Атамановский хутор близ г. Омска. В центре за столом: председатель Сибирского Чрезвычайного трибунала И. П. Павлуновский. Справа от него — В. М. Косарев, слева — М. Н. Байков. В военной форме крайние за столом — Е. М. Мамонтов и П. Е. Щетинкин. Сбоку сидит общественный обвинитель А. Г. Гойхбарг. Слева на помосте — обвиняемые. Крайний слева в первом ряду — А. А. Грацианов. Источник: ГАНУ. Ф. П. 11796. Оп. 3. Д. 258. Публикуется впервые

Амнистия колчаковских министров была далеко не единичным случаем частной амнистии в Сибири в начале 1920-х гг. Так, в 26 апреля 1921 г. Сиббюро ЦК приняло решение объявить амнистию рядовым участникам Западносибирского антикоммунистического восстания⁶⁵. Весной 1922 г. была объявлена амнистия для повстанцев из числа алтайцев, а также так называемых «сережцев» — участников восстания в Ачинском уезде Енисейской губернии в 1920 г.⁶⁶ В течение 1922 г. большевистским руководством Сибири была одобрена и проведена в жизнь амнистия нескольких сотен «антоновцев» — участников Тамбовского восстания, высланных в Сибирь и отбывавших принудительные работы на приисках «Лензолото» (Ленский концентрационный лагерь), на строительстве Кольчугинской новостройки (железнодорожной Кузнецк — Тельбес), а также в качестве заключенных Ново-Николаевского концентрационного лагеря⁶⁷. В конце 1922 г. была амнистирована группа в числе около

200 бакичан — офицеров и солдат из корпуса генерал-лейтенанта А. С. Бакича, содержавшихся в Новониколаевском ИТД. В июне 1923 г. Сибревкомом были полностью или частично помилованы еще 167 офицеров-бакичан, отбывавших сроки в Красноярском концлагере⁶⁸. Волна помилований сопровождала в августе 1923 г. поездку по Дальнему Востоку и Сибири председателя ВЦИК и ЦИК СССР М. И. Калинина. Газеты взалхлеб сообщали о том, как Калинин прощал от имени народа «сотни раскаявшихся преступников — вчерашних врагов трудовой России». Так, в Читинской тюрьме в середине августа 1923 г. по его распоряжению были освобождены 450 человек, многим сокращены сроки заключения. Амнистировать стало модно: «Широкая амнистия происходит в советской России, в то время как в буржуазных застенках Эстонии и Болгарии заключенные подвергаются истязаниям и пыткам <...> Это контрасты, но и достижения Советской России»⁶⁹.

Современные историки спорят о том, когда же окончилась Гражданская война в России. Некоторые из них справедливо указывают на важное социальное значение амнистии, готовность победившей стороны простить побежденных⁷⁰. Вслед за участниками гражданских войн античности и Нового времени они полагают, что окончание братоубийственной бойни напрямую связано с закрепленным в праве символическим замирением вчерашних врагов⁷¹. Помилование колчаковских министров являлось частным, но в то же время весьма показательным компонентом процесса восстановления гражданского мира в России по завершении внутреннего военно-политического противоборства. Необычность этой амнистии в ряду многочисленных подобных актов, объявленных большевиками в 1922–1923 гг., заключалось в том, что помилованы были не рядовые участники антисоветской борьбы, а ее непосредственные руководители. Главным фактором регуманизации бывших врагов стали их личные связи и контакты в верхнем эшелоне партийно-советского руководства, образовавшиеся преимущественно в процессе совместной деятельности. Основным критерием применения амнистии являлся высококвалифицированный качественный труд колчаковских министров.

¹ Познанский В. С. Суд над министрами Колчака // Известия СО АН. Серия истории, филологии и философии. 1990. Вып. 1. С. 44–51.

² Шишкин В. И. Введение // Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. / отв. ред. В. И. Шишкин. М., 2003. С. 6.

³ На судебном процессе в качестве обвиняемых были представлены 23 человека, из них четверо — временно управляющий министерством внутренних дел А. А. Червен-Водали, временно управляющий министерством путей сообщения А. М. Ларионов, министр труда Л. И. Шумиловский и директор-распорядитель Русского бюро печати А. К. Клафтон — были расстреляны. Еще один подсудимый — главноуправляющий по делам вероисповеданий Л. И. Писарев — был отправлен на психиатрическую экспертизу. Остальные 18 человек были приговорены к различным срокам наказания, в том числе товарищ министра труда С. М. Третьяк и помощник военного министра В. А. Карликов — условно.

⁴ Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 448.

⁵ Зубкова Е. В. Амнистия 1953 г. и первые опыты по пересмотру практик социального контроля в СССР // Российская история. 2021. Вып. 2. С. 149–160; Воробьева Е. Е. Амнистия

1953 года по данным статистической отчетности ГУЛАГа: структура и динамика процесса // Историческая информатика. 2021. № 1. С. 1–10.

⁶ Курицына Е. В. Амнистия 1953 г. и ее влияние на криминализацию общественной жизни в СССР (на материалах Пензенской области) // Известия ПГПИУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 764–768; Печерский В. А. Амнистия 1953 г. и ее последствия в Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 4 (24). С. 62–67.

⁷ Аблажей Н. Н., Комиссарова Е. Н. Амнистия рядовых белогвардейцев и их реэмиграция из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 49–52; Белковец Л. П. Амнистии в отношении участников белого движения и политических эмигрантов как основание восстановления российского (союзного) гражданства // Вопросы права и политики. 2011. № 1. С. 90–98; Белковец Л. П., Белковец С. В. Восстановление советским правительством российского (союзного) гражданства реэмигрантов из числа участников белого движения и политических эмигрантов // Вопросы права и политики. 2014. № 4. С. 106–169; Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021.

⁸ Воронина П. С. Амнистирование карельских беженцев 1923 г. // Carelica. 2018. № 1 (19). С. 16–25.

⁹ Михеенков Е. Г. Проведение амнистий на территории Западной Сибири в начале 1920-х гг. // Права человека и подготовка специалистов для правоохранительных органов в контексте реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства: отечественный и зарубежный опыт. Материалы международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Владимир, 2013. С. 204–214.

¹⁰ Годунов К. В. Празднование первой годовщины Октября и красный террор: легитимация революционного насилия // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 976–988.

¹¹ Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.). Сб. документов: в 2 т. / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. С. 76–77.

¹² Там же. С. 60.

¹³ Там же. С. 62–63.

¹⁴ Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. Томск, 1996. С. 179–184; Звягин С. П. Общественная и научная деятельность Н. Я. Новомбергского // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: Всерос. науч. чтения. Кемерово, 1999. С. 47–50; Шиловский М. В. Новомбергский Николай Яковлевич // Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX — начале XX в.: Новосибирск, 2019. С. 199–200; Совет министров Российского правительства... Т. 1. С. 63–64.

¹⁵ Процесс над колчаковскими министрами. С. 455.

¹⁶ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАО). Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 149.

¹⁷ Познанский В. С. Суд над министрами Колчака. С. 50.

¹⁸ ГАО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 261. Л. 40 об.

¹⁹ Филимонов В. Я. Проблема «спецов» в политической жизни России в 1920-х гг. // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации. Материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 164–171.

²⁰ «Самые лучшие у нас спецы — это почему-либо не расстрелянные». Записка Ф. Э. Дзержинского // Вестник архива Президента Российской Федерации. 1993. № 8. С. 131.

²¹ ГАО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 726. Л. 18–18 об.

²² Там же. Л. 19.

²³ Там же. Л. 21. Преображенский был вынужден уволиться из Экономического отдела 16 июня 1921 г. в связи с переездом Сибревкома из Омска в Новониколаевск.

²⁴ ГАО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 727. Л. 48, 52.

²⁵ Там же. Л. 57–62.

²⁶ Там же. Л. 53, 56.

²⁷ Там же. Л. 75.

²⁸ ГАО. Ф. П. 1. Оп. 3. Д. 23. Л. 52.

²⁹ Там же. Л. 61 об.

- ³⁰ Там же. Л. 116 об.
- ³¹ 5 сентября 1923 г. управляющий делами Сибревкома Н. С. Тростников информировал отдел частных амнистий ВЦИК о том, что «касается материалов амнистии за 1921 год, то таких в отделе управления Сибревкома не имеется». В то же время к письму был приложен ряд документов по вопросу амнистии Дмитриева, Цеслинского, Краснова, Жуковского, Грацианова и Новомбергского. См.: ГАНО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 1071а. Л. 40–50.
- ³² *Михеенков Е. Г.* Проведение амнистий на территории Западной Сибири в начале 1920-х гг. С. 210.
- ³³ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 53–55, 57.
- ³⁴ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 309. Л. 332.
- ³⁵ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 1.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 3. Д. 35. Л. 16.
- ³⁸ ГАНО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 1071а. Л. 41, 43.
- ³⁹ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 3. Д. 35. Л. 16.
- ⁴⁰ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 149.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 154. Л. 150.
- ⁴³ ГАНО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 1071а. Л. 42, 44.
- ⁴⁴ Официально должность Краснова именовалась «заведующий инструкторским отделом Сибирского финансового управления», он ее занимал с февраля 1922 г.
- ⁴⁵ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 293.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 257. Л. 52.
- ⁴⁹ Процесс над колчаковскими министрами. С. 495.
- ⁵⁰ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2а. Д. 27. Л. 110 об.
- ⁵¹ ГАНО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 847а. Л. 208; Д. 1071а. Л. 45, 50.
- ⁵² Советская Сибирь. 1922. 6 августа. № 183.
- ⁵³ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 280.
- ⁵⁴ Там же. Л. 281.
- ⁵⁵ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 3. Д. 35. Л. 90 об.
- ⁵⁶ Советская Сибирь. 1922. 12 ноября. № 256.
- ⁵⁷ ГАНО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 1071 а. Л. 51–51 об.; Процесс над колчаковскими министрами. С. 456.
- ⁵⁸ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 258. Л. 12.
- ⁵⁹ ГАНО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 1071а. Л. 47.
- ⁶⁰ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 324–325.
- ⁶¹ Советская Сибирь. 1923. 22 августа. № 186.
- ⁶² Процесс над колчаковскими министрами. С. 456–457.
- ⁶³ Там же. С. 465; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.). Т. 1. С. 176.
- ⁶⁴ *Звягин С. П., Макачук С. В.* А. П. Морозов: судьба сибирского юриста в меняющейся России начала первой четверти XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2015. № 2 (62) Т. 1. С. 70–73.
- ⁶⁵ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 25. Л. 142.
- ⁶⁶ ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 137. Л. 126.
- ⁶⁷ Советская Сибирь. 1922. 2 декабря. № 273.
- ⁶⁸ Дело генерала Бакича. Сборник документов и материалов / отв. ред. Д. Г. Симонов, А. И. Савин. Новосибирск, 2022. С. 277–280, 285–287.
- ⁶⁹ Советская Сибирь. 1923. 10 августа. № 177.
- ⁷⁰ *Рышков В. М.* Завершение Гражданской войны: историография и теория в поисках ответа // Гражданская война в России. Проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сб. научных трудов. Новосибирск, 2022. С. 375–376.

⁷¹ Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, П. СПб., 2014; Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин. М., 2021; Бовыкин Д. Ю. «Здесь виновно всё»: всеобщая амнистия как завершение революции // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / под ред. О. Воскобойникова, О. Тоговой. М., 2021. С. 356–375.

Статья поступила в редакцию 7 декабря 2022 г.
Рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Савин А. И., Журавлев В. В. Частная амнистия. Как сибирские большевики амнистировали колчаковских министров // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 530–548. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.301>

Аннотация: В статье анализируется история амнистии большевиками в 1921–1923 гг. девяти колчаковских министров во главе с видными деятелями антибольшевистских правительств П. И. Преображенским, Г. А. Красновым, А. А. Грациановым и Н. Я. Новомбергским, осужденных Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири на открытом судебном процессе в Омске 20–30 мая 1920 г. На основании широкого круга архивных источников авторы реконструировали весь процесс помилования, начиная с ослабления тюремного содержания и заканчивая официальным решением ВЦИК. Амнистия рассматривается здесь как политический инструмент советской власти, позволявший коммунистическому руководству страны эффективно корректировать жестокую карательную политику, разыгрывая карту восстановления социальной справедливости и привлекать на свою сторону пострадавших. Сделан вывод о том, что помилование колчаковских министров являлось частным, но в то же время весьма показательным компонентом процесса восстановления гражданского мира в России по завершении внутреннего военно-политического противоборства. Необычность этой амнистии в ряду многочисленных подобных актов, объявленных большевиками в 1922–1923 гг., заключалась в том, что помилованы были не рядовые участники антисоветской борьбы, а ее непосредственные руководители, люди, занимавшие министерские посты в антисоветских правительствах. Главным фактором регуманизации бывших врагов стали их личные связи и контакты в верхнем эшелоне партийно-советского руководства Сибири, образовавшиеся преимущественно в процессе совместной деятельности. Основным критерием применения амнистии являлся высококвалифицированный качественный труд колчаковских министров в экономических подразделениях Сибирского революционного комитета в условиях острейшего кадрового голода.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, Колчак, белые, министры, большевики, Сибирь, Сибревком, амнистия, специалисты.

Сведения об авторах: Савин А. И. — канд. ист. наук, Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия); a_savin_2004@mail.ru | Журавлев В. В. — канд. ист. наук, Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия); wzsh@mail.ru

Институт истории Сибирского отделения РАН, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

FOR CITATION

Savin A. I., Zhuravlev V. V. 'An Occasional Amnesty. How the Siberian Bolsheviks Granted Amnesty to Kolchak Ministers', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 3, 2023, pp. 530–548. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.301> (In Russian)

Abstract: The article analyses the history of the amnesty granted by the Bolsheviks in 1921–1923 to nine Kolchak ministers led by P. I. Preobrazhensky, G. A. Krasnov, A. A. Gratsianov and N. Ya. Novombergsky, prominent figures

of the anti-Bolshevik governments, convicted by the Extraordinary Siberian Revolutionary Tribunal at the open trial in Omsk on 20–30 May, 1920. Based on a wide range of archival sources, the authors have reconstructed the entire pardon process, from the improvements in conditions of detention to the official decision of the VTsIK. Amnesty is considered as a political tool of the Soviet power, which allowed the communist leadership of the country to effectively correct the cruel punitive policy, play the card of restoration of social justice, and win the victims over to its side. It is concluded that the pardon of the Kolchak ministers was an individual but significant component of the process of restoring civil peace in Russia at the end of the internal military-political confrontation. What made this amnesty unusual among the many similar acts announced by the Bolsheviks in 1922–1923 was that not the rank-and-file members of the anti-Soviet struggle were pardoned, but its immediate leaders. The main reason for the rehumanization of former enemies were their personal ties and contacts in the upper echelon of the Soviet leadership in Siberia, which were formed primarily in the course of joint activities. The main criterion for applying the amnesty was the high quality work of the Kolchak ministers in the economic departments of the Siberian Revolutionary Committee under the conditions of severe labor shortage.

Keywords: Russia, Civil War, Kolchak, Whites, ministers, Bolsheviks, Siberia, Sibrevkom, amnesty, specialists.

Authors: *Savin A. I.* — PhD in History, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); a_savin_2004@mail.ru | *Zhuravlev V. V.* — PhD in History, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); vzh@mail.ru

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences 8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russia

References:

- Ablazhei N. N., Komissarova E. N. 'Amnesty of ordinary White Guards and their re-emigration from China in the 1920s', *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 2, 2007. (In Russian)
- Agamben G. *Stasis. Civil war as a political paradigm. Homo sacer, II* (St. Petersburg, 2014). (Rus. Ed.)
- Belkovets L. P. 'Amnesties in relation to participants of the White movement and political emigrants as a basis for restoration of Russian (Union) citizenship', *Voprosy prava i politiki*, no. 1, 2011. (In Russian)
- Belkovets L. P., Belkovets S. V. 'Restoration by the Soviet government of Russian (Union) citizenship of re-emigrants from among participants of the white movement and political emigrants', *Voprosy prava i politiki*, no. 4, 2014. (In Russian)
- Bovykin D. Yu. "Everything is guilty here": general amnesty as the completion of the revolution' in *Anatomia vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremia*, eds O. Voskoboinikov, O. Togoeva (Moscow, 2021). (In Russian)
- Case of General Bakich. Collection of documents and materials*, eds D. G. Simonov, A. I. Savin (Novosibirsk, 2022). (In Russian)
- Council of Ministers of the Russian government: minutes of meetings (November 18, 1918 — January 3, 1920). Collection of documents*, Vol. 1, ed. by V. I. Shishkin (Novosibirsk, 2016). (In Russian)
- Filimonov V. Ya. 'Problem of "Specialists" in Russian political life in the 1920s' in *Obshchestvo i vlast' v imperatorskoi Rossii, SSSR i sovremennoi Rossiiskoi Federatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Ganin A. V. *White General and Red Military Specialist Yakov Slashev-Krymsky* (Moscow, 2021). (In Russian)
- Godunov K. V. 'The Celebration of the First Anniversary of the October Revolution and the Red Terror: Legitimizing of Revolutionary Violence', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.410> (In Russian)
- Khlevnyuk O. V. *The owner. Stalin and the Establishment of the Stalinist Dictatorship* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Kuritsyna E. V. 'Amnesty 1953 and its impact on the criminalization of public life in the USSR (on the materials of the Penza region)', *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo*, no. 27, 2012. (In Russian)
- Mikheenkov E. G. 'Implementation of amnesties on the territory of Western Siberia in the early 1920s' in *Prava cheloveka i podgotovka spetsialistov dlia pravookhranitel'nykh organov v kontekste realizatsii ugolovnoi i ugolovno-ispolnitel'noi politiki gosudarstva: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, part 2 (Vladimir, 2013). (In Russian)
- Loroux N. *The divided city: on memory and forgetting in Ancient Athens* (Moscow, 2021). (Rus. Ed.)

- Pecherskii V. A. 'Amnesty 1953 and its consequences in Khakassia', *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 4 (24), 2018. (In Russian)
- Poznanskii V. S. 'The trial of Kolchak's ministers', *Izvestiia SO RAN. Seriya istorii, filologii i filosofii*, no. 1, 1990. (In Russian)
- The trial of Kolchak's ministers. May 1920*, ed. by V. I. Shishkin (Moscow, 2003). (In Russian)
- Professors of Tomsk university. Biographical dictionary*, Vol. 1 (Tomsk, 1996). (In Russian)
- Rynkov V. M. 'The end of the Civil War: Historiography and theory in search of an answer' in *Grazhdanskaia voina v Rossii. Problemy vykhoda, istoricheskie posledstviia, uroki dlia sovremennosti. Sb. nauchnykh trudov* (Novosibirsk, 2022). (In Russian)
- Shilovskii M. V. 'Novombergskii Nikolai Yakovlevich' in *Obshchestvennaya-politicheskaya zhizn' Sibiri v kontse XIX — nachale XX v.* (Novosibirsk, 2019). (In Russian)
- Vorob'eva E. E. 'Amnesty 1953 on the basis of GULAG statistical reports: structure and dynamics', *Istoricheskaia informatika*, no. 1, 2021. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2021.1.34901> (In Russian)
- Voronina P. S. Amnesty of Karelian refugees in 1923. *Carelica*, no. 1 (19), 2018. <https://doi.org/10.15393/j14.art.2018.109> (In Russian)
- Zubkova E. V. 'Amnesty 1953 and the First Experiences of Revising Social Control Practices in the USSR', *Rossiiskaia istoriia*, no. 2, 2021. <https://doi.org/10.31857/S086956870014466-3> (In Russian)
- Zvyagin S. P. 'Public and Scientific Activities of N. Y. Novombergskiy' in *Intellektual'nyi i industrial'nyi potentsial regionov Rossii: Vseros. nauch. chteniia* (Kemerovo, 1999). (In Russian)
- Zvyagin S. P., Makarchuk S. V. 'A. P. Morozov: Fate of Siberian Lawyer in Changing Russia of the First Quarter of XX Century', *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arkhologiiia*, vol. 1, no. 2 (62), 2015. (In Russian)

Received: December 7, 2022

Accepted: April 15, 2023